

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-22-29

СТИЛЬ «СЛОВА ОБ ОБРЕТЕНИИ МОЩЕЙ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ» ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА

А. А. Медведев

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу стиля похвального слова «Обретения честных и многоцелебных мощей митрополита Алексия». Память об обретении мощей московского митрополита Алексия православной церковью отмечается 20 мая. Московский патриарх Гермоген, автор похвального слова, использует систему изобразительно-выразительных, стилистических и риторических средств, направленную на прославление и возвышение московского митрополита Алексия как угодника Божьего, а также небесного покровителя Москвы. К основным средствам художественной выразительности, использованным автором, относятся: синтаксические (параллелизм, сравнительные конструкции, инверсия, риторические восклицания), лексические (эпитеты, гиперболы, повторы), а также стилистические (антитеза, библейские цитаты). Помимо этих приемов, Гермоген применяет ономастический аспект для передачи действительности происходящих событий и динамичность действий, выраженную глаголами, деепричастиями и деепричастными оборотами, ритмической организацией текста. Перед читателями похвального слова об обретении мощей митрополита Алексия предстает торжественное и возвышенное произведение, где в центре внимания подробное и детальное описание посмертных чудес (исцеление, воскрешение и явление святого просящим людям), произошедших у гроба святителя Алексия. Используемый в произведении эмоционально-экспрессивный стиль позволяет патриарху Гермогену представить сакральный образ святого подвижника, угодника Божьего.

Ключевые слова: патриарх Гермоген, митрополит Алексий, похвальное слово, обретение мощей, посмертные чудеса, художественно-выразительные средства, эмоционально-экспрессивный стиль.

Для цитирования: Медведев А. А. Стиль «Слова об обретении мощей митрополита Алексия» патриарха Гермогена // Наука и школа. 2023. № 2. С. 22–29. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-22-29.

© Медведев А. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE STYLE OF THE "SERMON ON THE FINDING
OF THE RELICS OF METROPOLITAN ALEXY"
BY PATRIARCH HERMOGENES

A. A. Medvedev

Abstract. *This article is devoted to the analysis of the style of the commendable word "Finding the honest and multi-healing relics of Metropolitan Alexy". The Orthodox Church commemorates the uncovering of the relics of Moscow Metropolitan Alexy on May, 20. The Moscow Patriarch Hermogenes, the author of the eulogy, uses a system of figurative and expressive, stylistic and rhetorical means aimed at glorifying and exalting the Moscow Metropolitan Alexy as a saint of God, as well as the heavenly patron of Moscow. The main means of artistic expression used by the author are: syntactic (parallelism, comparative constructions, inversion, rhetorical exclamations), lexical (epithets, hyperbole, repetitions), and stylistic (antithesis, biblical quotations). In addition to these techniques, Hermogenes uses the onomastic aspect to convey the reality of ongoing events and the dynamism of actions, expressed by verbs, participles, the rhythmic organization of the text. The readers of the commendable word about the acquisition of the relics of Metropolitan Alexy are presented with a solemn and sublime work, where the focus is on a detailed description of posthumous miracles (healing, resurrection and the appearance of the saint to those who ask) that occurred at the tomb of St. Alexy. The emotionally expressive style used in the work allows Patriarch Hermogenes to present the sacred image of the holy ascetic, the saint of God.*

Keywords: *Patriarch Hermogenes, Metropolitan Alexy, words of praise, acquisition of relics, posthumous miracles, artistic and expressive means, emotionally expressive style.*

Cite as: Medvedev A. A. The style of the "Sermon on the Finding of the Relics of Metropolitan Alexy" by Patriarch Hermogenes. *Nauka i shkola*. 2023, No. 2, pp. 22–29. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-22-29.

Патриарх Гермоген (1530–1612) вошел в российскую историю как крупный религиозный и политический писатель. Согласно историческим сочинениям XVII в., Гермоген представлен как «твердый адамант», «новый исповедник», а также «непоколебимый столп» русской православной церкви. Гораздо менее известен как духовный писатель. Между тем московский патриарх Гермоген очень многое сделал для развития русской духовной литературы, оставив после себя значительное литературное наследие, которое сегодня только начало подвергаться изучению и анализу. По мнению Т. А. Литвиной, патриарх Гермоген внес большой вклад в

развитие и преобразование российской культуры и его деятельность была действительно масштабной [1, с. 146].

Агиографические сочинения патриарха Гермогена, как правило, тесно связаны с его церковно-миссионерской проповеднической деятельностью и носят ярко выраженный дидактический характер. К такому выводу приводят исследования писательского наследия патриарха, которые затрагивают проблемы изучения текстов, созданных Гермогеном, их языка и стиля [2, с. 161].

В центре настоящей работы – одно из сочинений патриарха Гермогена «Обращение честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего

Алексія, митрополита Кієвського и всея Русіи чудотворца. Слово вкратцѣ». Праздник обретения мощей святого чудотворца Алексія отмечается православной церковью 20 мая. Этому празднику и посвящает патриарх похвальное слово. Прежде всего отметим, что тема чуда является одной из центральных в творчестве московского патриарха Гермогена. Возможно, это связано с тем, что в самом начале своего священнического пути он сразу столкнулся с таким явлением – чудесным обретением Казанской иконы Божьей Матери [3, с. 78]. Об этом позже патриарх Гермоген подробно рассказал в своем сочинении «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы, написанная святителем Гермогеном», а также в восхвалении истинных добродетелей новоявленных казанских святителей Гурия и Варсофония («Служба об обретении мощей святителей Гурия и Варсофония»).

На протяжении нескольких веков изображение московского чудотворца и небесного покровителя Москвы митрополита Алексія в литературных источниках служило объектом для проведения философских, исторических, литературоведческих, богословских, текстологических исследований. Заслуги митрополита в централизации власти московских князей и укреплении русской государственности были крайне значительны и значимы [4], равно как и его содействие в вопросе сближения церковной и светской властей. Период церковной власти святителя Алексія впоследствии рассматривался как «золотой век» русской митрополии, и чудотворец Алексій выступал его ключевой фигурой [5, с. 157].

Памятник «Обрѣтеніе честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Алексія...» имеет своеобразную композицию: после достаточно пространного вступления, которое можно расценить как похвальное слово митрополиту Алексію, следует восемь небольших частей, посвященных произо-

шедшим посмертным чудесам от мощей святого митрополита, источником которых послужили сведения из ранних житийных памятниках о митрополите Алексії, в частности, патриарх Гермоген использовал редакцию жития, составленную Пахомием Логофетом, минейные редакции и т. д. Однако и здесь патриарх Гермоген следует своей логике и основное внимание фокусирует на чудесах, связанных с житием святителя Алексія, отбирая именно рассказы о произошедших чудесах у гроба святого. В данном случае речь идет об обретении нетленных мощей святителя, что в православном христианстве трактуется как чудо. Именно об этом и пишет автор: «О, превеликое чудо! толикимъ лѣтомъ поминувшимъ и святому во гробѣ лежащу – не измѣнися святое его тѣло и ризы его, яко вчера оболчены; понеже убо да сбудется реченное Богомъ во святомъ Евангеліи – не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, и никтоже вжегъ свѣтильникъ поставляетъ его подъ спудомъ, или подъ одромъ» [6, с. 52].

Во вступительном похвальном слове, посвященном митрополиту Алексію, автор восхищается главным героем своего произведения с помощью риторических восклицаний, посредством эмоционального высказывания: «О, превеликое чудо!», «О, Преподобне Святителю нашъ, Чудотворче Петре, и Святителю Христовъ, преподобне отче нашъ, Чудотворче Алексію». Этот риторический прием преследует конкретную задачу – показать в произведении нравственный идеал героя.

Далее автор развивает свою мысль, в которой это событие рассматривается через призму иносказания. Святость митрополита Алексія обосновывается через отсылку к Евангелию. Благодаря этой цитате – «...не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, и никтоже вжегъ свѣтильникъ поставляетъ его подъ спудомъ, или подъ одромъ» – читатель понимает, что святой Алексій

сопоставляется с апостолами, о которых в Новом Завете сказано: «Вы – свѣтъ мира. Не можете укрыться городъ, стоящий на вѣрху горы. / И, зажегши свѣчу, не ставять ее под сосудом, но на подсвѣчнике, и свѣтитъ всемъ в доме» (Мф. 5:14–15).

Традиционные эпитеты, использованные московским патриархом во вступительной части похвального слова, дают читателям представление о некоторых индивидуальных «портретных» чертах митрополита Алексия, вместе с тем перечисляя добродетели, характерные для святительского типа жития. Традиционные эпитеты, характеризующие главного героя, применяются автором в соответствии с агиографическим каноном. Митрополит Алексий характеризуется как «блаженный», «угодник», «второй источникъ благодатный», «скорая помощника и заступника», «стѣна необоримая» [6, с. 52].

Не случайно в завершении своего вступительного повествования Гермоген приводит библейскую истину, праведное слово, так как о подвиге и величии святого Алексия автор рассказывает через описание посмертных чудес: «Елма бо обаче Богъ не токмо въ животѣ прославляющихъ его прославляетъ, но и по смерти явлену бытии многими различными чудесы, о нихъ же да речется мало отъ многихъ» [6, с. 53].

В этом контексте и следует рассматривать основную часть, которая, как уже говорилось, состоит из восьми рассказов о произошедших посмертных чудесах, использованных патриархом Гермогеном из ранних житий святителя Алексия. В каждой из них рассказывает о каком-либо чуде, совершенном московским святым Алексием. Они имеют соответствующие названия «Чюдо 1-е св. Алексія, новаго Чудотворца, о испутившемъ ума», «Чюдо 2-е о умершемъ отрочати», «Чюдо 3-е о разслабленномъ», «Чюдо 4-е о крилицѣ о Михаилѣ», «Чюдо 5-е о слѣпомъ»,

«Чюдо 6-е о болящемъ трясавицею», «Чюдо 7-е о женѣ слѣпой», «Чюдо 8-е о разслабленномъ» [6, с. 53–56].

Поэтика чудесного проявляется в похвальном слове святителю Алексию уже на уровне названий, из которых следует, что от мощей святого происходили исцеления, которые невозможно объяснить научным или логическим способом. Однако примечательным является тот факт, что автор, начиная рассказывать историю того или иного чудесного исцеления, обязательно называет имя героя истории: «Нѣкоему человѣку, именемъ Тимофею» (чудо 1-е); «Яко же прилучи-ся болѣвшу нѣкоему отроку, именемъ Димитрію»; (чудо 2-е); «И иному же паки человѣку, Андрею именемъ» (чудо 3-е), «Инь же паки человѣкъ, Іоаннъ именемъ» (чудо 6-е) и т. д. [6, с. 53–54]. Такие пояснения конкретизируют рассказ, делают его более убедительным. Поэтому одной из отличительных черт данного сочинения патриарха Гермогена является сочетание описания чуда и реальности (так, помимо имен указывается и точное место, в котором происходит чудо). В рассказах о посмертных чудесах в указаниях городов, сел и деревень, из которых прибывали к святителю страждущие, приводится намеренное разнообразие, чтобы показать – к чудотворцу ехали со всех краев страны, такой силы вера в него была среди людей, и такова была его слава как угодника Божьего.

Например, в «Чюде 1-м» Тимофей, которого постигло безумие, видит сон, в котором Господь Бог велит ему явиться в монастырь архистратига Михаила, чтобы поклониться мощам святителя. Или в третьем чуде о разслабленном подчеркивается, что человек Андрей был родом из города Мурома. Таким образом, в этом произведении московскому патриарху Гермогену особо важен ономастический аспект. А далее для описания ситуации автор использует параллелизм и повторы: «Нѣкоему человѣку, именемъ Тимофею, ума ему испутившу до

толика, яко не вѣдѣти ему, камо и откуда грядеть; иногда же и вопрошающу ему, камо ийти» [6, с. 53]. Подобный подход к построению предложений автор применяет и в других случаях: «И такоже убо у нѣкоего чловѣка, славна и богата, суще сына, именемъ Феодосіе. Сему убо на многа времена зракъ очію отъятся и многимъ врачамъ приходящимъ к нему, но не успѣша ничтоже...» («Чюдо 5-е») [6, с. 55]. Эти художественные приемы позволяют автору сделать акцент на важных деталях и построить высказывание ритмически выразительным, а риторичку – торжественной.

Описывая чудо, патриарх Гермоген часто прибегает к сравнительным конструкциям: «...гробъ св. Чюдотворца Алексія видѣвшу, и абіе въ себѣ бысть; и яко отъ нѣкоего сна возбудившуся ему и бысть здравъ и смысленъ» («Чюдо 1-е») [6, с. 53]. Или же противопоставляет синтаксические отрезки, содержащие в себе описание контрастных по своей сути событий: «И положиша его близъ раки Святаго и абіе, исцѣленіе получивъ, отъиде; его же въ малѣ прежде чуждыми руками принесена – сей на своихъ ногахъ здравъ въ свой домъ возвратися» [6, с. 54]. Чудесное событие происходит быстро и динамично, и такому эффекту способствует наречие «абіе»: его только положили у раки, а он сразу, немедленно исцелился. Далее возникает антитеза благодаря противоположным по семантике глаголам, местоименным прилагательным и существительным: принесли на чужих руках – вернулся в дом на своих ногах.

Посредством приема антитезы описывается чудесное исцеление слепого в пятой истории: «Сему убо на многа времена зракъ очію отъятся и многимъ врачамъ приходящимъ къ нему, но не успѣша ничтоже, и посемъ же къ рацѣ чудотворнаго отца пришедше и ту исцѣленіе вскорѣ пріемлетъ и здравъ бысть» [6, с. 55]. В этом фрагменте также происходит противопоставление:

многие врачи приходили к Феодосию, но они ничего не смогли сделать, но едва он оказался у раки святителя Алексия, сразу же исцелился, после чего дал обет «въ пятокъ милостыню давати священникомъ того монастыря» [6, с. 55].

Примечательно, что патриарх Гермоген в каждой истории находит новые стилистические способы, усиливающие выразительность повествования. Например, в «Чюде 6-е о болящемъ трясавицею» таким способом становится инверсия, вводные обороты и словосочетания: «Инь же паки чловѣкъ, Іоаннь именемъ: трясавицею одержимъ бяше на много времена, *ни хлѣба ядуца, да толка* (здесь и далее курсив наш. – А. М.) – яже и живота отчаятися. Сей убо Іоаннь, *слышавъ о Святомъ*, и приходитъ къ его рацѣ съ вѣрою и скоро исцѣленіе получилъ» [6, с. 55].

Инверсия придает повествованию особую смысловую значимость, необходимую в данном случае возвышенность слова, торжественную интонацию, а вводные слова придают экспрессию и эмоциональность.

Этот текст примечателен еще и тем, что в нем время совершения чуда является не столь стремительным, как в остальных. Проходит две службы – вечерняя и утренняя, прежде чем Феодор получает исцеление. Таким образом, меняется и тон повествования: он более спокойный, выдержанный, особенно торжественный. Этому эффекту способствуют и эпитеты: «*предреченный* вельможа», «въ болѣзнь велику», «въру велику», «ко блаженному Алексѣю», «къ целебной рацѣ». И далее все это неторопливое повествование завершается неожиданностью – сообщением о чуде: «исцѣленіе получи по малехъ днешъ, яко ничтоже пострадавъ» [6, с. 55–56].

Иногда автор создает описание чуда, активно используя деепричастные обороты и деепричастия: «...и абіе, *исцѣленіе получив*, отъиде... здравъ въ свой домъ возвратися, велику славу

воздая Богу и его угоднику Святому великому Алексѣю» [6, с. 54]. В этой истории, посвященной исцелению расслабленного Андрея, свершение чуда вновь происходит очень быстро. Деепричастия и деепричастные обороты как раз дают возможность «спрессовать» время, сделать фразу ритмически организованной; передать неразрывность ряда действий.

Представляет интерес и «Чюдо 2-е о умершемъ отрочати», в котором рассказывается об умершем и воскресшем у мощей святителя Алексия отроке Димитрии: «Бяше же отроча третьимъ летомъ суще, влѣзоста же въ церковь – священницы и родители его, хотяше нести ко гробу, и обрѣтоста отрока жива суща. И радости же велія исполнишася» [65, с. 53–54]. В этом фрагменте представлено не только исцеление от болезни немощных и просящих, но даже воскресение умершего человека по завету Иисуса Христа: «...еже немощныхъ исцѣляти, но и мертвыя възкрешать» [6, с. 53]. Здесь динамичность действия и совершающегося на глазах чуда создается при помощи глаголов: «баше», «влѣзоста», «обрѣтоста». В них содержится вся суть произошедшего: отрок был мертв, но ожил у мощей святителя Алексия, в результате чего родители вновь обрели его. Завершается история об этом чуде развернутой гиперболой: «И радости же велія исполнишася» [6, с. 54].

Однако наиболее обширным и подробным является описание чуда в истории четвертой о клирике Михаиле. В этом эпизоде герой, находясь у раки святителя Алексия во время службы, сначала видит московского митрополита возле себя: «И абіе оному клирику видится Святыи Алексій промежду обою раму у священнику стоящу и святыи потырь в руцѣ держашу, и якоже видѣ и возопи велимъ гласомъ: Святыи Алексіѣ помилуй мя!» [6, с. 54]. Патриарх Гермоген через неточное цитирование Евангелия от Луки передает обращение Алексия: «Возми одръ

свой, иди въ домъ свой» [6, с. 54] (ср.: «Встань, возьми свой одръ и иди в свой домъ» (Лк 5:24), при этих словах святой опять возлег в свою раку, а большой получил исцеление.

В данном фрагменте текста большую роль играет обилие деталей, позволяющих воссоздать образ святого Алексия – чудотворца, благодаря которому происходят чудесные явления и исцеления, рассказать о которых и является целью автора.

Обращает на себя внимание рассказ об исцелении от слепоты Феодосия, лишившегося зрения, который, будучи богатым и знатным, сам пришел просить помощи у Святого, в силу которого уверовал, поскольку рассказы о чудесах Святителя молва передавала из уст в уста. И просящий помощи получил ее, исцелившись у раки с нетленными мощами московского митрополита Алексия.

Использование в качестве героя рассказа человека знатного сословия и из зажиточных слоев населения используется для напоминания обеспеченным и нуждающимся людям, что знатное происхождение, благополучие и достаток не являются заслугой или защитой от бед. Этот прием призывает власти предержащие к смирению, кротости, добросердию и скромности, предостерегает их от впадения в грех гордыни, служит доказательством, что перед богом все равны и просящий заступничества и помощи Святого обретет их, если обратится за ними как любой простой человек.

Также он служит напоминанием о необходимости богатого человека вести добродетельный образ жизни: оказывать постоянную помощь страждущим, не творить зла, ведь «истинный властелин – тот, кто собою обладает».

Особенностью изображения посмертных чудес в похвальном слове московскому митрополиту Алексию патриарха Гермогена можно считать стремление книжника к идеализации своего героя, а также простоту в изложении, обилие

бытовых и конкретных деталей и сведений. Сюжеты о посмертных чудесах подтверждают факт святости героя похвального слова, служат для «укрепления его авторитета в широкой среде читателей, воспитания их в духе следования нормам христианского морального идеала» [7, с. 9], то есть служат той цели, которую ставил перед собой Гермоген.

Таким образом, для создания поэтики похвального слова в честь московского митрополита Алексия, небесного покровителя Москвы, автор прибегает к целому комплексу стилистических средств. Благодаря художественно-выразительным приемам патриарх Гермоген создает эмоционально насыщенное повествование, выполняющее основную цель – представить сакральный образец подвижника, на который должны ориентироваться читатели. Большинство тропов в «Слове похвальном об обретении мощей митрополита Алексия» носит традиционный агиографический характер, в особенности это относится к системе эпитетов, служивших одним из

основных средств создания эмоционально-экспрессивного стиля.

В целом же роль посмертных чудес в похвальном слове сводится к созданию идеального образа святителя и уподобления его эталону высшей степени святости, абсолютом которой выступает образ Спасителя, что в итоге дает обоснование причин и поводов для канонизации. Чудеса также используются в качестве психологической мотивации поступков Святителя, поскольку чудо «вносит движение и разнообразие в биографию» [8, с. 133–137, 159–160].

Комплекс художественно-выразительных средств позволяет автору создать одновременно торжественное, возвышенное произведение, передать читателям состояние радости, эмоциональность и восторг от стремительно совершающегося чуда, преобразовывающего жизнь людей, а также риторичность похвального слова и дидактическую моралистичность, направленные на прославление и возвеличивание святого митрополита Алексия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литвина Т. А. Языковая личность патриарха Гермогена // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 146–150.
2. Дробленкова Н. Ф. Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 153–163.
3. Володихин Д. М. Патриарх Гермоген – патриарх Смутного времени: что еще мы должны знать об этом святом? // Фома. 2021. № 3. С. 78–79.
4. Кривцов Д. Ю. Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в 1357 г.: данные источников и историографические интерпретации // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 223–305.
5. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: МГУ, 1986. 207 с.
6. Гермоген, патриарх. Слова об обретении мощей митрополита Алексия // Творения святейшего Гермогена патриарха Московского и всея России: с приложением чина поставления в патриарха. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912. С. 51–56.
7. Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии: автореф. дис... канд. фил. наук. Омск, 2009. 20 с.
8. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы XI–XVII вв. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
9. Библия. Коломна: Изд-во Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря, 1993. 1400 с.

REFERENCES

1. Litvina T. A. Yazykovaya lichnost patriarkha Germogena. *Filologiya i kultura*. 2014, No.4 (38), pp. 146–150.
2. Droblenkova N. F. Germogen. In: Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Iss. 2 (vtoraya polovina XIV – XVI v.). Vol. 1: A–K. Leningrad: Nauka, 1988. Pp. 153–163.
3. Volodikhin D. M. Patriarkh Germogen – patriarkh Smutnogo vremeni: chto eshche my dolzhny znat ob etom svyatom? *Foma*. 2021, No. 3, pp. 78–79.
4. Krivtsov D. Yu. Rasskaz o poezdke mitropolita Alekseya v Zolotuyu Ordu v 1357 g.: dannye istochnikov i istoriograficheskie interpretatsii. In: Problemy proiskhozhdeniya i bytovaniya pamyatnikov drevnerusskoy pismennosti i literatury. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU, 2002. Pp. 223–305.
5. Borisov N. S. *Russkaya tserkov v politicheskoy borbe XIV–XV vv.* Moscow: MGU, 1986. 207 p.
6. Germogen, patriarkh. Slova ob obretnii moshchey mitropolita Aleksiya. In: Tvoreniya svyateyshego Germogena patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii: s prilozheniem china postavleniya v patriarkha. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1912. Pp. 51–56.
7. Starodumov I. V. Zhanrovaya spetsifika povestvovaniy o posmertnykh chudesakh svyatykh podvizhnikov v sostave drevnerusskoy agiografii. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Omsk, 2009. 20 p.
8. Likhachev D. S. *Razvitie russkoy literatury XI–XVII vv. Epokhi i stili*. Leningrad: Nauka, 1973. 254 p.
9. Bible. Kolomna, Publishing House of the Holy Trinity Novo-Golutvin Monastery, 1993. 1400 p. (in Russian)

Медведев Александр Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской классической литературы, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: medalex88@gmail.com

Medvedev Alexander A., PhD in Philology, Associate Professor, Russian Classic Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: medalex88@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28.10.2022

The article was received on 28.10.2022